

Трибуна молодого ученого

Раугич К.Ю.
философ, студентка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВИЗАНТИЙСКО-ТУРАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹²

Аннотация: автор представляет социально-философский анализ процессов влияния византийской культуры и туранской цивилизации на процессы развития евразийского пространства.

Ключевые слова: Евразийский Экономический Союз, интеграция, Византия, Туранский мир

За последние десятилетия мировая гуманитарная наука пережила настоящий всплеск интереса к феномену исторической памяти. В этом общем интеллектуальном контексте произошла радикальная перестройка всей исторической науки. В российском социально-гуманитарном пространстве до сих пор идут дискуссии вокруг таких концептов как «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «мемориальная память», «историческая память», последние десятилетия мировая гуманитарная наука пережила настоящий всплеск интереса к феномену исторической памяти. В этом общем интеллектуальном контексте произошла радикальная перестройка всей исторической науки. В российском социально-гуманитарном пространстве до сих пор идут дискуссии вокруг таких концептов как «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «мемориальная память», «историческая память», и т.д. Между тем нельзя не отметить, что возникающие вокруг них споры во многом восходят к извечному противостоянию парадигм методологического холизма и методологического индивидуализма.

И только в последние годы появились заметные корректные исследования в этой области — взгляд на «картину прошлого» по аналогии с ментальной картиной мира.

Как известно, главный тезис классика социологии коллективной памяти Мориса Хальбвакса — тезис о социальной обусловленности памяти. Индивидуальная память, по Хальбваксу, ограничивает себя воспоминанием других, чем и обеспечивается социальное единство. Для Хальбвакса память понимается не как сумма отдельных воспоминаний, а скорее как коллективное, культурное произведение, которое саморазвивается под влиянием семьи, религии и социальных страт - через структуру языка, обряды повседневной жизни и разграничения пространства. Она конституирует систему социальных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям.

Феномен коллективной памяти — антитеза истории. Коллективная «память сохраняет только то, — пишет Морис Хальбвакс, — что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает. Она, по определению, не выходит за пределы этой группы. Когда некий период перестает интересовать последующий период, то мы имеем дело не с одной группой, забывающей часть своего прошлого, а, на самом деле, с двумя группами, сменяющими друг друга». Т.е. коллективная память имеет локальный характер, тогда как история представляется как целостный, ведомый одной смысловой линией ряд событий прошлого. Дифференциация социальных групп происходит вследствие ментального сдвига:

¹ Статья опубликована на сайте «Катехон». URL: <http://katehon.com/ru/article/sociologiya-istoricheskoy-pamyati-vizantiysko-turanskoj-civilizacii>

² В статье использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX –XXI вв», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ в 2011 г.

история продолжает оставаться историей, но коллективная память уже перестает существовать в качестве ментального генетического кода определенного сообщества. История, по Хальбваксу, «похожа на кладбище, где пространство ограничено и где все время приходится находить место для все новых могил» (Р. Сабанчеев).

На самом деле, речь идет о распространенном в социальных науках представлении об обществе как системе или сети коммуникаций и о том, что прошлое конструируется в коммуникации.

Очень точно эту мысль выразил Серж Московичи: «...Представления — это не столько продукты ума, имеющие социальные последствия, сколько социальные продукты, созданные умом и становящиеся, стало быть, реальными... Проникая во все взаимодействия и социальные круги они (представления) становятся генетическим кодом... Все происходит так, как будто находящаяся в обращении ментальная масса формирует ценности, поведение, языки, личные качества и собирает их в единое целое, каждая ячейка которого поддерживает и дополняет другую... В итоге для меня приобретает смысл образ общества состоящего из двух подразделений — одно охвачено сетями, которые, соединяя индивидов, постоянно создаются и разрушаются ими; второе принадлежит представлениям, которые индивиды разделяют, формируя тем самым свою общую реальность. Очевидно, что история — это дисциплина, отражающая мировоззренческие установки того общества, в котором она изучается. В зависимости от этих установок варьируются не только нюансы оценок или моральные знаки, поставленные перед теми или иными событиями и персонажами, но и сама методология. В зависимости от того, кем и в каких исторических условиях написана история народа, а также в зависимости от национальной, конфессиональной, идеологической и классовой принадлежности автора, мы заведомо будем иметь разные результаты.

История не может быть «строгой наукой», это типичная гуманитарная область, в которой отражается структура человеческого духа, всегда осуществляющего (сознательно или бессознательно) цепочки сложнейших выборов.

Русская история во всех ее версиях — также является продуктом мировоззрения. Поскольку Россия всегда выдвигала довольно амбициозные исторические проекты с отчетливо выраженным «универсализмом» и «мессианством», то ее соседи, и тем более соседи с Запада, обладающие своими собственными весьма отличными от русских «универсализмом» и «мессианством», выработали довольно критическую «концепцию русской истории». Когда мы имеем дело с описанием и исследованием русской истории, предпринятыми западными авторами, мы должны постоянно иметь в виду, что прямо или косвенно, сознательно или по инерции воспроизводя глубинные культурные клише, они на парадигмальном уровне движимы подспудным стремлением либо «разоблачить» претензию на «универсальность», отличную от их собственной либо «доказать ее несостоятельность», либо просто высмеять.

Западный человек, хочет он того или нет, всегда бдительно стоит на страже своего цивилизационного кода. Это обстоятельство гораздо древнее идеологических коллизий времен холодной войны и противостояния двух мировых систем. Запад формировал отрицательное отношение к православному Востоку (Византии) начиная с IX в., а в XI в. фактически отнес православие к восточной ереси (к разделу схизматиков). Это стало религиозной нормой западного христианства.

По мере секуляризации западного сознания, религиозно-догматические претензии уходили на задний план, но сама тенденция не исчезла, приобретая иные выражения более свойственные светскому мышлению. Русские из «еретиков», не признающих власть Папы превратились в «варваров» - носителей «средневекового духа».

В любом случае, начинать следует с того, чтобы поставить определенный интеллектуальный фильтр перед парадигмальным влиянием западнического подхода.

Среди наиболее внушительных парадигм в русской исторической мысли, можно выделить следующие семейства: и т.д. Между тем нельзя не отметить, что возникающие вокруг них споры во многом восходят к извечному противостоянию парадигм методологического холизма и методологического индивидуализма.

И только в последние годы появились заметные корректные исследования в этой области — взгляд на «картину прошлого» по аналогии с ментальной картиной мира. Как известно, главный тезис классика социологии коллективной памяти Мориса Хальбвакса — тезис о социальной обусловленности памяти. Индивидуальная память, по Хальбваксу, ограничивает себя воспоминанием других, чем и обеспечивается социальное единство. Для Хальбвакса память понимается не как сумма отдельных воспоминаний, а скорее как коллективное, культурное произведение, которое саморазвивается под влиянием семьи, религии и социальных страт — через структуру языка, обряды повседневной жизни и разграничения пространства. Она конституирует систему социальных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям.

Феномен коллективной памяти — антитеза истории. Коллективная «память сохраняет только то, — пишет Морис Хальбвакс, — что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает. Она, по определению, не выходит за пределы этой группы. Когда некий период перестает интересовать последующий период, то мы имеем дело не с одной группой, забывающей часть своего прошлого, а, на самом деле, с двумя группами, сменяющими друг друга». Т.е. коллективная память имеет локальный характер, тогда как история представляется как целостный, ведомый одной смысловой линией ряд событий прошлого. Дифференциация социальных групп происходит вследствие ментального сдвига: история продолжает оставаться историей, но коллективная память уже перестает существовать в качестве ментального генетического кода определенного сообщества. История, по Хальбваксу, «похожа на кладбище, где пространство ограничено и где все время приходится находить место для все новых могил» (Р. Сабанчиев). На самом деле, речь идет о распространенном в социальных науках представлении об обществе как системе или сети коммуникаций и о том, что прошлое конструируется в коммуникации.

Очень точно эту мысль выразил Серж Московичи: «...Представления — это не столько продукты ума, имеющие социальные последствия, сколько социальные продукты, созданные умом и становящиеся, стало быть, реальными... Проникая во все взаимодействия и социальные круги они (представления) становятся генетическим кодом... Все происходит так, как будто находящаяся в обращении ментальная масса формирует ценности, поведение, языки, личные качества и собирает их в единое целое, каждая ячейка которого поддерживает и дополняет другую... В итоге для меня приобретает смысл образ общества состоящего из двух подразделений — одно охвачено сетями, которые, соединяя индивидов, постоянно создаются и разрушаются ими; второе принадлежит представлениям, которые индивиды разделяют, формируя тем самым свою общую реальность. Очевидно, что история — это дисциплина, отражающая мировоззренческие установки того общества, в котором она изучается. В зависимости от этих установок варьируются не только нюансы оценок или моральные знаки, поставленные перед теми или иными событиями и персонажами, но и сама методология. В зависимости от того, кем и в каких исторических условиях написана история народа, а также в зависимости от национальной, конфессиональной, идеологической и классовой принадлежности автора, мы заведомо будем иметь разные результаты.

История не может быть «строгой наукой», это типичная гуманитарная область, в которой отражается структура человеческого духа, всегда осуществляющего (сознательно или бессознательно) цепочки сложнейших выборов.

Русская история во всех ее версиях — также является продуктом мировоззрения. Поскольку Россия всегда выдвигала довольно амбициозные исторические проекты с отчетливо выраженным «универсализмом» и «мессианством», то ее соседи, и тем более соседи с Запада, обладающие своими собственными весьма отличными от русских «универсализмом» и «мессианством», выработали довольно критическую «концепцию русской истории». Когда мы имеем дело с описанием и исследованием русской истории, предпринятыми западными авторами, мы должны постоянно иметь в виду, что прямо или косвенно, сознательно или по инерции воспроизводя глубинные культурные клише, они на парадигмальном уровне движимы подспудным стремлением либо «разоблачить» претензию на «универсальность», отличную от их собственной либо «доказать ее несостоятельность», либо просто высмеять.

Западный человек, хочет он того или нет, всегда бдительно стоит на страже своего цивилизационного кода. Это обстоятельство гораздо древнее идеологических коллизий времен холодной войны и противостояния двух мировых систем. Запад формировал отрицательное отношение к православному Востоку (Византии) начиная с IX в., а в XI в. фактически отнес православие к восточной ереси (к разделу схизматиков). Это стало религиозной нормой западного христианства.

По мере секуляризации западного сознания, религиозно-догматические претензии уходили на задний план, но сама тенденция не исчезла, приобретая иные выражения более свойственные светскому мышлению. Русские из «еретиков», не признающих власть Папы превратились в «варваров» — носителей «средневекового духа». В любом случае, начинать следует с того, чтобы поставить определенный интеллектуальный фильтр перед парадигмальным влиянием западнического подхода.

Среди наиболее внушительных парадигм в русской исторической мысли, можно выделить следующие семейства:

1. Национал-консервативная школа (С.С. Уваров, К.П. Победоносцев, Д.И. Иловайский и т.д.);
2. Революционно-демократическая школа, позже развившаяся в марксистско-советскую (от А.П. Герцена, Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, Г.В. Плеханова и т.д. до советских историков-марксистов);
3. Либерал-этатическая западническая школа (от Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского до Б.Н. Чичерина, К.Д. Каверина, П.Н. Милюкова, П.Б. Струве);
4. Славянофильско-евразийская школа (А.С. Хомяков, И.В. Кириевский, братья А.С. и К.С. Аксаковы, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, кн. Н.С. Трубецкой, А.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий).

Эти школы, являвшиеся доминирующими на определенных этапах, описывали и расценивали эволюцию национальной идеи совершенно по-разному. В одном случае субъектом истории выступало преимущественно государство (национал-консервативная и либерал-этатическая школа), в другом — народ (революционно-демократическая школа), в третьем — классы (марксистская школа), в четвертом — геополитическая общность, цивилизация (славянофилы, евразийцы).

И не случайно в современной России, когда возникла потребность в Национальной Идее, любые попытки ее формулировать давали хаотичные и несостоятельные результаты. Стоит обратить внимание на то, что в российском обществе на старте нового тысячелетия болезненно ощущается дефицит идей, особенно в социально-политической сфере. Большинство людей, в том числе политиков, ученых и остальных — руководствуются в своей жизни и в политическом выборе набором сиюминутных факторов, случайных интересов, преходящих, случайных эмоций. Мы стремительно утрачиваем общее представление о смысле жизни, о логике истории, о задачах человечества и о судьбе мира. Жизненный, исторический и социальный выбор подменен агрессивной рекламой. На месте

осмысленной и ответственной политической идеологии стоит эффективный пиар. Исход выборов и мировоззренческих дискуссий определяется объемами инвестиций в зрелищные инсценировки. Столкновения народов, культур и религий превращены в теле-шоу, оплаченные транснациональными корпорациями и нефтяными холдингами. Человеческая кровь, человеческая жизнь, человеческий дух превратились в пустые фигуры речи. Практически не встретить ясной и последовательной идеологии, способной вынести человека из состояния политического сна и растерянности.

За неимением оригинальных мыслей, в отсутствии укороченности в национальной истории и ее константах, многие политические силы сегодняшней России предпочитают слепо копировать идеологию Запада, видя в американском образце и глобализме решение всех российских проблем. Либеральная идеология и сценарий глобализации действительно неплохо проработаны интеллектуалами Запада, но при этом они не только не учитывают российскую специфику, но исходят из исторических, культурных и цивилизационных предпосылок, радикально отличающихся от логики российской истории. Нормы космополитизма, индивидуализма, исчисления духовных и культурных ценностей через денежный эквивалент, полное отрицание нравственности и этики, атомизация общества, презрение к традициям, прославление жесткой конкуренции, безразличие к слабому и т.д. – все эти явления есть результат логичного вырождения западной цивилизации, пожертвовавшей моральным прогрессом ради прогресса материального и технологического. Запад сделал свой выбор не вчера, а еще в эпоху Просвещения, встав на путь богоборчества, индивидуализма и поклонения Золотому Тельцу. И сейчас эта идеология подошла к критической черте, когда данная система ценностей навязывается всем остальным народам как безусловная норма жизни, мысли, культуры, экономического, социального и политического уклада. Это и есть либеральная идеология и глобализация – приведение национального государственного религиозного и этнического многообразия к американскому стандарту (А.Г. Дугин).

Важно понять следующее: Истоки либеральной революции связаны с определенным этапом в истории Европы под общим названием Реформация... Реформация – это реформа общественного строя от полного подчинения католической церкви в сторону подчинения зарождающемуся капитализму. Не стоит сильно заострять внимание на его течениях и особенностях, кроме одной особенности, считающейся ключевой – данная конфессия была фактически новой религией, которую «написали» заново, согласно реалиям того времени – а именно зарождения капитализма. В частности стремление к наживе и прибыли отныне было объявлено богоугодным делом. Страсть к прибыли и обогащению стало для многих протестантов напрямую десницей Бога. Отсюда, знаменитое протестантское выражение: «Если ты такой умный, почему такой бедный»? Именно такой моралью можно объяснить всемирную борьбу за права и свободы человека по всему миру – и наличие такого верного союзника США как Саудовская Аравия, где могут запросто порезать человека на куски за несоблюдение исламских норм. Ведь саудиты – ребята богатые, им можно... «У тебя мало денег, или ты владелец старого авто – значит ты ущербный» - это абсолютно протестантские выводы, категорически не совместимые с моралью в традиционном христианском миропонимании. Для протестантов бедный – значит грешный, богатый – богоугодный. Отныне деньги напрямую являются вопросом веры. Поэтому все попытки возражать и спорить, по существу сводятся к конгломерату – «А чего ты добился»? То есть вас всеми методами переводят на свои правила игры, где вы заведомо выиграть не можете; ну не может православный человек соревноваться в получении прибыли с человеком без моральных ограничений.

В 1517 г. некий ученый муж богословия, пришел к забору церкви в Виттенберге и прямо на воротах прибил бумагу, в которой был внесен очень интересный список. Назывался он «95 тезисов». Если не перечислять все 95 пунктов, то смысл сводится к тому, что церковь

ставит себя в очень интересное положение, от чего впоследствии пострадают многие. Этим ученым мужем, конечно же, был Мартин Лютер, и эти 95 пунктов были далеки от идей либерализма. Но этот листочек был рассчитан не на рядовых прихожан. Они то и читать не умели, по большей части. А вот знатым мужам данные «тезисы» показались очень привлекательными, - кто же откажется от снижения поборов в пользу мытарей. Точно также в 1536 г. еще один ученый муж, но уже от юстиции, Жан Кальвин из Женевы, стал продвигать учение, при котором церкви оставалось лишь то, что прописано в библии.

Само по себе, наверное, это правильно. Но из кальвинизма выросло следующее: Он утвердил идею предопределения. Дескать, одни люди заведомо предназначены Богом к спасению, а другие заведомо осуждены. А отличить «избранных» очень просто – одни богатеют, другие – нищенствуют. Материальное богатство и было признано критерием любви Господа к тому или иному человеку. А долг «неизбранной» черни – повиноваться «избранным». Утверждалось даже, что если человек имел возможность заполучить деньги, но упустил эту возможность – это тяжкий грех, он отверг дар Бога. Отсюда, тратиться на пустяки и развлечения – это разбазаривание дара Бога. Именно поэтому из жизни изгонялось все «лишнее»: искусство, музыка, танцы. Вместо церкви был учрежден «национальный синод» - консистория пасторов, имевших право в любое время дня и ночи зайти в каждый дом, отслеживая «праведность жизни». Кальвин учил, что можно предать смерти даже ребенка, если в нем «говорит дьявол» - дух непослушания, веселости и легкомыслия. Кальвинизм интересен еще и тем, что породил теорию «общественного договора» между властью и народом. Но только народ подразумевался отнюдь не буквально. Имелось в виду «избранные». Так французский теоретик кальвинизма Юний Брут прямо указывал: «Когда мы говорим о народе, то подразумеваем под этим словом не весь народ, а лишь его представителей — герцогов, принцев, оптиматов, нобилей и вообще всех деятелей на политическом поприще». И как раз эти «представления» должны были оценивать действие властей и диктовать им свою волю. Словом, кальвинизм стал идеологией олигархии — аристократической или купеческой (точно так же как нынешний либерализм — идеология промышленной и финансовой олигархии). А если добавить туда идеологию «частной собственности» - то будет современное определение либерализма по духу и по букве.

Сегодня быть элитой и реализовать себя как элита означает поставить себя в независимое положение от национальных интересов и национальных чаяний. Современные элиты представляют собой нечто вроде замкнутого международного клуба со своей корпоративной этикой, ничего общего не имеющей с обычной гражданской и политической этикой, обязывающей служить своей стране, своему народу, своему государству. И поскольку обычным гражданам это вряд ли может понравиться, то идеология современного глобализма неизбежно включает некий скрытый подтекст, некую эзотерику, чем-то напоминающую учение прежних гностических сект. Глобальный гнозис имеет двойное дно. Его внешняя сторона отражает все внешние штампы эпохи Модерна — прогресс, всеобщее благоденствие, права человека и т.д. Внутренняя, выражаемая тайным языком элиты, понятным только посвященным, т. к. будучи раскрытой, способна вызвать настоящее смятение сознания. Таким образом, формируется двойная мораль и двойной язык. Эти термины, унаследованные от классической либеральной эпохи, сегодня выполняют лишь манипулятивную роль, усыпляя гражданскую бдительность народов, совсем другие — тайные знаки и термины выстраиваются в некий параллельный ряд с ними и отражают новую реальность, которую от нас считают полезным спрятать. Стоит сопоставить эти два ряда, и сразу же обнаружится их роковая несовместимость.

Современная эпоха рождает великих манипуляторов и комбинаторов. Ясно, что манипулировать легче зомбированными и непросвещенными; вот почему в эпоху глобализма программы массового просвещения свертываются под предлогом их рыночной «нерентабельности».

Из всего вышесказанного следует, что в политическом отношении эпоха «глобализма» на самом деле есть новый «феодализм». И протестантский сдвиг, о котором было столько сказано М. Вебером и его последователями не только заменил гедонистическую психологию феодальной знати, безответственно расхищающей обретенное богатство — сколько национализировал религию («чья земля, та и вера») а также экономику, вырвав ее из рук не имеющих отечества ростовщиков. Что впоследствии получило название «отношение партнерства». Если угодно, это и есть новая феодальная власть международных нотаблей.

Именно поэтому глобалисты всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство — оно мешает их глобальному хищничеству. И сейчас эта идеология подошла к критической черте. Люди, которые провозглашают неизбежность глобализма — услужливо преклоняющие колено перед видимой мощью оккупанта — завоевателя, на самом деле совершают преступление перед самобытностью своей собственной цивилизации, предают веру и преемственность отцов, становятся слабым звеном в эстафете поколений. Очевидно, что рабская покорность новому мировому гегемону многим не нравится. Но это проявляется чаще всего лишь эмоционально, фрагментарно непоследовательно. Этого недостаточно! Нам необходим активный контрпроект, реалистичная, конкретная альтернатива. Те, кто хотят иного будущего, нежели растворение народов в управляемом общественном хаосе, обязаны не только сказать НЕТ, но и сформулировать, выдвинуть наш собственный План.

И наверно, без преувеличения, смело можно заявить, что самым обобщающим мировоззрением предлагающим такую альтернативу однополярному миру является евразийство.

Славянофильско-евразийская парадигма исходит из предпосылки что внешним моментом русской национальной истории был 200-летний период Московского царства. Именно здесь следует искать контуры русской идентичности. Все предшествующее в таком случае можно рассматривать как прелюдию к Московскому царству, все последующее — как развитие (с искажением) заложенных в нем импульсов.

В Московском царстве мы видим формирование:

Единого народа;

Единого государства;

Единой религиозной (сотериологической) миссии;

Единого политического организма;

Единого геополитического вектора развития.

Русь выступает в этот период как ядро самостоятельной православной цивилизации, обладающей ясно осознанной сотериологической (эсхатологической) функцией «последнего Рима» и ориентированной на противостояние с европейскими (католико-протестантскими) соседями, а также на интеграцию евразийских просторов («Наследие Чингисхана»). В этом отношении общая позиция Трубецкого предопределила специфику взглядов евразийцев на русскую историю. Доминантой евразийского понимания русской истории является представление о сущности русского народа в корне отличном от путей романо-германского мира. Русь мыслится как органическая часть человечества — противостоящая Европе. Следовательно, необходима тотальная ревизия русской исторической школы, которая ранее отталкивалась прямо или косвенно от канонов европейской учености. Собственно, славянофилы, Достоевский, Леонтьев и Данилевский сделали чрезвычайно много для того, чтобы подобраться к альтернативной русской, а не романо-германской оценке нашего пути.

Сами евразийцы считают себя продолжателями именно этой линии. Однако они были еще радикальнее и революционнее, чем их предшественники, в вопросе отвержения Запада. Они утверждают, что романо-германский мир с его культурой есть историческая патология,

тупиковый путь дегенерации и упадка. Общая картина евразийского взгляда на историю Руси изложена в программной книге князя Трубецкого «Наследие Чингисхана».

Трубецкой всячески подчеркивает колоссальную ценность тюркско-монгольского импульса указывая на тот факт, что все просторы восточной Евразии интегрируются за счет объединения степной зоны. Подлинно русское, евразийское государство, по мнению Трубецкого, возникло тогда, когда московские князья взяли на себя татарскую геополитическую миссию. А московский византизм стал доминирующей государственной идеологией после краха Византии. Здесь мы видим органичное сочетание с государственным строем, полностью заимствованным от монголов. Это и есть Святая Московская Русь царская и евразийская, континентальная строго отличная от романо-германского мира и даже радикально противопоставленная ему.

Двести лет московской Руси — это двести лет идеальной, архетипической строго соответствующей своей культурно-исторической, политической, метафизической и религиозной миссии.

В этот период Россия больше не Европа. В этот период окончательно формируется как не европейская, так и не азиатская идентичность Руси. Потому что Русь получает свободу и независимость от Орды. Россия навсегда перестает быть Европой или Азией. Если раньше европейское измерение присутствует в русской истории как возможность и как полюс ее западных территорий, как определенная модель или альтернатива пути развития то в московский период с точки зрения цивилизационного анализа — имеет уникальное значение. Именно этот период истории следует изучать снова и снова прибегая к нему как к матрице всего того, что происходит сейчас, и как к кульминации того, что было до него. Интересно и то, что восточная столица находится принципиально восточнее польско-литовского княжества. Это дополнительное измерение, которое Европа обнаружила как то, что находится за ее пределами став таким образом значимым другим (напомню, в социологии — это то, в отношении которого мы определяем свою собственную идентичность). Европа в значительной степени определяет свою собственную идентичность по отношению к нам, к русским. На самом деле, когда европейцы смотрят на нас, они видят карикатуру, (считая «грязными, немытыми азиатами») — что было выражено в знаменитой фразе Наполеона: «Поскребите русского и найдете татарина», тем самым оскорбляя и тех и других. Так сама идея «поскребите русского и найдете татарина» — унижительна для всех, кроме самих европейцев конечно.

И вот этот значимый другой, карикатурный, восточный сосед, который еще и страшный и одновременно требующий колонизации и покорения, опасный, ненавидимый и в то же время заставляющий себя постоянно бояться. Все это формируется именно в московский период. Нас до сих пор воспринимают как страну Ивана Грозного, которой управляют его наследники — Петр, затем Сталин или даже Путин, что приблизительно сливается в одну и ту же фигуру для европейцев.

Речь идет о том, что имидж России формируется именно в московский период, тогда же формируется и самосознание и если угодно гетеросознание — т.е. осознание себя иными. Дело в том, что мы не чувствуем себя частью восточно-азиатской цивилизации как Китай или Индия или даже Иран, мы чувствуем себя радикально отличной от нее. Мы чувствуем себя православной и христианской цивилизацией, совершенно отличной от Азии. Освободившись от Орды, многие русские православные идентичности вернулись. Мы поставили эту идентичность над исламской идентичностью, но в духе веротерпимости Чингисхана. И вот здесь кроется большая толерантность к исламу. Массовый переход тюрок и мусульман в православие — это новая и очень специфическая черта московского царства, взявшая очень много у ордынского государства, продолжающая геополитическую линию Чингисхана, но уже с новой идеологией.

Важно обратить внимание какой Запад и какой Восток совершенно точно исключается из русской идентичности. Речь идет о католическом и феодальном западно-европейском мире. Протестантизм — это продолжение западной идеологии в политико-культурной цивилизационной единице римской империи (начиная с походов варваров). Эта часть Запада совершенно точно исключается из Руси. Поэтому любой носитель католического начала выносятся за скобки и изгоняется из этой идентичности. Более того, для русских западная Европа также становится значимым другим. Русские говорят — мы не такие как католики, феодалы, представители западно-европейского общества. И это фундаментально! Мы — не они! Мы — не Запад! Евразийство с этой частью Европы вообще не входит в диалог. Что касается Азии, то Азия исключается китайская, индусская, одновременно персидская (среднеазиатская) и позже османская, начиная с XVI в. начинает рассматриваться как значимое другое.

Таким образом, Евразийство — это отрицание и Европы и Азии (той Азии и той Европы, о которых мы говорили).

Но одновременно московская русская цивилизация имеет восточные и западные черты. Речь идет о так называемой византийской Европе, где византийский, православный, греко-славянский Запад становится доминирующей культурной моделью. По отношению к Руси это тоже Запад, но очень специфический. Поэтому единственное возможное западничество для нас — это грекофильство. Такое западничество было на Руси и в XVI и XVII вв. традиционно. Такое западничество является внутренним, приемлемым и инклюзивным. Мы можем быть западными, но западничество для нас — это только Византизм.

Также есть приемлемое восточничество — т.е. то азиатство, которое не исключается а включается в русскую идентичность — это Туран, это североазиатское пространство, которое было объединено скифами, затем тюрками, гуннами, наконец монголами при Чингисхане затем и русскими. Это так же Восток, но очень специфический — это туранский, кочевой Восток, который на самом деле рассматривался как враг всеми классическими цивилизациями Азии (кроме османской империи). Для китайцев например это было значимое другое против которых они строили свою великую стену защищаясь от Турана, от того Турана, который мы интегрировали. Именно поэтому для китайцев мы — Туран. Русские — это прямые наследники тех кочевых племен, которые постоянно захватывали и нападали на территории внутреннего Китая.

Индия — это великие моголы, которые пришли с севера и завоевали ее, починив на несколько сотен лет мусульманскому господству.

А для Ирана Туран — это противопоставление оседлых и кочевых племен, южных иранцев и северных туранцев — в чем состоит смысл сакральной мифологии иранского мировоззрения. Туран — это другие, это кочевые, тюркские племена, которые приходят с севера и являются наследниками московской Руси.

Туран для нас как раз является включенным Востоком. Монгольская империя - наша! Чингисхан и тюрки — наши! Это наше русское интегрированное восточничество. Таким образом, греко-славянское и туранское начала достигают уникального синтеза в русской идентичности. Русские часто задают себе вопрос: Кто мы? - Ответ здесь один: Мы - византийско-туранская общность. Это абсолютная аксиома геополитической истории Руси (А.Г. Дугин).

Теперь напомним о главном. В свое время в Белграде в 1927 г. была опубликована работа А.В. Соловьева о «Святой Руси». К этой теме позднее обратился М. Черняковский. Однако кроме Соловьева и отчасти Черняковского темой «Святой Руси» в русских текстах никто всерьез не занимался.

Но что выяснил Соловьев в свое время? Он показал, что впервые термин «Святая Русь» употребляется А. Курбским. Затем этот мотив был обнаружен в одном из сочинений

Максима Грека. Далее Д. Полюбянный указывал, что в XIV в. константинопольский патриарх называл русских — «Святым Народом». Так или иначе «Святая Русь» становится идеологическим продуктом.

В начале XVII в. мы уже встречаемся с квази-фольклорным представлении о Святой Руси. Так например в 40-е годы XVII в. о «Святой Руси», но уже фольклорно-авторски пишет казак Порошин в «Повести об азовском сидении».

В XIX в. русская интеллигенция в лице Федора Глинки, П.А Вяземского и др. начинают прославлять «Святую Русь». Достоевский называет русский народ народом богоносцем и т.д.

Возникает вопрос: Что же за этим стоит? Не умножая примеры, можно сослаться на И.Н Данилевского который ссылается на источник XV в. тверского происхождения, в котором говорится, что после взятия Константинополя в нем не угасла «русская вера, сохранились русские колокола».

Но кульминацией оформления этой идеи являются два послания псковского старца Филофея — первое адресовано дьяку Микаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину, второе — великому князю Василию Третьему. В этих текстах инок Филофей излагает теорию Москвы — теорию Третьего Рима. В исторической литературе эта концепция называется также «translatio imperii» - то есть теорией легитимной передачи имперской эстафеты от одной страны к другой. Иногда ее называют также идеей «Плавающего Рима». «Третий Рим» - становится серьезным дискурсом, говорящим о метаисторической и метафизической функции, которая переходит от одного государства к другому — как империя!

Но империя мыслится не просто организацией временного земного порядка вещей. Империя — священна по своей сути. Она отличается от простых государств и стран тем, что основана на духовном начале и метафизики (по сути, продолжая философию Гегеля). Но Рим — первый символ священной империи, был перенесен в Константинополь, когда римляне отступили от требуемых историей качеств.. Это второй Рим, который пал под ударом турок, после чего центр Мировой Православной Империи был перенесен на Русь, где Москва стала «Третьим Римом». Она сохранила и православие и политическую независимость а следовательно унаследовала великую миссию служить «последним оплотом истины». Здесь сохраняется очень важный византийский принцип «Симфонии Властей». Другими словами, Москва объявляет о вступлении в права наследия Византизма. И отныне Русь становится «Новой Византией» или даже «Новым Иерусалимом». Подводя итоги, можно сказать следующее: Утрата человеком социальной памяти разрушает и деформирует целостный механизм наследования. Воспитание патриотизма, формирование национального самосознания и сохранения исторической памяти по своему стратегическому для страны значению — не уступает ни ракетам, ни нефтегазовым месторождениям. Потому что национальная идея народа способна дать адекватные ответы на исторические вызовы (К. Магомедов).

И вот теперь необходимо понять следующее: Человек воспринимает прошлое как настоящее прошлое. В силу этого, историческое сознание методологически заострено — это принцип историзма, который вольно или невольно сплюсчивает событийную диахронию в синхронию, тем самым исподволь продуцируя состояние «конца истории» Важно понять, что надежность исторических ретроспекций заведомо проблематична — особенно в пространстве отечественной культуры. Потому что для классического европейского историзма — прошлое устойчиво (варьироваться могут лишь детали, изучением которых и призвана заниматься историческая наука), а будущее стохастично. Для русского историзма, напротив, будущее — предзадано, а прошлое - анархично и восприимчиво к самым радикальным «новым хронологиям». И при утрате данного социально-культурного наследия отечественное историческое сознание вплотную приблизится к постмодернистической

мозаики, чем и обусловлено сегодня пристальное внимание к интеллектуальной элите России. Все потому что, в отличие от рационалистически выстраиваемой исторической памяти, память как таковая — жизненно-иррациональна в своей доминанте. И вот это фундаментально! (А. Фатенков)

Как только мы поймем это, мы научимся творить и управлять своей собственной реальностью и взломаем систему, которую всячески пытается навязать нам европейское общество.

Литература

1. *Бредихин А.В.* Приграничные агломерации в процессах наднациональной интеграции ЕАЭС и Китая// Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк, 2016. № 2 (58). С. 93-102.
2. *Дугин А.Г.* Геополитика России. – М., 2012.
3. *Дугин А.Г.* Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах (доклад в Институте философии РАН, февраль 2002 г.)
4. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998.
5. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М., Эксмо-Пресс, 2002.
6. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007.

References:

1. *Bredikhin A.V.* Prigranichnye aglomeratsii v protsessakh nadnatsional'noi integratsii EAES i Kitaia [Cross-border agglomerations in the processes of supranational integration the EEU and China]// Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. Donetsk, 2016. № 2 (58). S. 93-102.
2. *Dugin A.G.* Geopolitika Rossii [Geopolitics of Russia]. – M., 2012.
3. *Dugin A.G.* Evoliutsiia natsional'noi idei Rusi (Rossii) na raznykh istoricheskikh etapakh [Evolution of the national idea of Russia (Russia) on the different historical stages] (doklad v Institute filosofii RAN, fevral' 2002 g.)
4. *Moskovichi S.* Mashina, tvoriashchaia bogov [Machine creating gods]. M.: «Tsentr psikhologii i psikhoterapii», 1998.
5. *Panarin A.S.* Iskushenie globalizmom [The temptation of globalism]. – M., Eksmo-Press, 2002.
6. *Khal'bvaks M.* Sotsial'nye ramki pamiati [Social frameworks of memory]. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007.

SOCIOLOGY OF HISTORICAL MEMORY OF BYZANTINE-THE TURANIAN CIVILIZATION

Rauqich K.Yu.
philosopher, student SPSU

Abstract: *the author presents the social-philosophical analysis of processes of influence of Byzantine culture and the Turanian civilization on the processes of development of the Eurasian space.*

Keywords: *Eurasian Economic Union, integration, Byzantium Turanian world*

Для цитирования: *Раугич К.Ю.* Социология исторической памяти византийско-туранской цивилизации// Архонт, 2017. № 1. С. 79-89.